

**СИНТАГМАТИКА ЛЕКСЕМ С КОРНЕМ -ВОН'-
КАК КОМПОНЕНТОВ КОНЦЕПТА «ЗАПАХ»
(на материале произведений А. П. Чехова и И. А. Бунина)**

Розглянуто використання слів із коренем -вон'- у творах А. П. Чехова та І. А. Буніна з метою виявлення специфічної синтагматики цієї мотиваційної ознаки концепту «запах» та прояснення останнього.

Ключеві слова: концепт, мотиваційна ознака концепту, слова із коренем -вон'-, синтагматика.

Рассмотрено употребление слов с корнем -вон'- в произведениях А. П. Чехова и И. А. Бунина с целью выявления специфической синтагматики данного мотивационного признака концепта «запах» и прояснения последнего.

Ключевые слова: концепт, мотивационный признак концепта, слова с корнем -вон'-, синтагматика.

The paper is devoted to the analysis of usage of words with the base -вон'- in the works of A. Chehov and I. Bunin. The aim is to identify specific syntagmatic of this motivational sign of mental representation of odor and to clarify the latter.

Keywords: mental representation, motivational sign, words with the base -вон'-, syntagmatic.

Несмотря на то, что активное изучение концептов и их сущности началось еще в 80-х годах XX века с приходом в гуманитарные науки антропоцентрической парадигмы, практически все ученые отмечают отсутствие единого определения данного термина и в своих работах конкретизируют значение этого понятия с позиции собственного исследования. Так, А. Вежицкая понимает концепт как идеальное культурно обусловленное представление человека о действительности, Ю. С. Степанов же расценивает его как логическую категорию, а Н. Д. Арутюнова вовсе относит понятие «концепт» к сфере практической философии (см.: [5]).

В нашей работе мы пользуемся определением концепта, предложенным В. И. Карасиком: «Культурный концепт – многомерное смысловое образование, в котором выделяется ценностная, образная и понятийная стороны» [8]. Наличие у концепта образной и понятийной сторон (а также значимостной) отмечает и С. Г. Воркачев [6]. Однако он утверждает, что ценностное измерение не является определяющим для исследования концептов в лингвистическом ключе, поскольку не имеет специальных средств выражения и не является универсальным. Данное замечание справедливо относительно таких концептов, как время и пространство в математике. На первый взгляд, справедливо оно и по отношению к концепту «запах», который как таковой ценности для культуры не представляет. Однако не все мотивационные признаки концепта лишены ценности, а тем более оценочности. Так, лексема *благовоние* не только отсылает нас к концепту «запах», но и тесно ассоциируется в сознании носителей русского языка с церковными ритуалами, представляя, таким образом, некую ценность для православной культуры. По сути, каждый признак концепта обладает специфической комбинаторикой, обусловленной различными практиками освоения действительности. Таким обра-

зом, рассмотрение сочетаемости составляющих позволяет нам расширить представление о концепте в целом и, как следствие, о его месте в языковой картине мира. Исследование же концептов на данном этапе развития лингвистики остается актуальным вопросом, поскольку даже в тех концептах, которым уже посвящены научные исследования, можно найти аспекты ранее не затронутые, как, например, упомянутая нами синтагматика отдельных мотивационных признаков концепта «запах».

Цель данной статьи состоит в выявлении особенностей синтагматики слов с корнем -вон'- в границах концепта «запах». Материалом служат тексты произведений А. П. Чехова и И. А. Бунина. К достижению поставленной цели исследования ведет решение следующих **задач**: 1) выявить запаховые номинации с корнем -вон'- в тексте рассказов указанных авторов; 2) проанализировать случаи употребления данных лексем; 3) конкретизировать значения данного мотивационного признака концепта у обоих писателей и сопоставить их; 4) сделать выводы об особенностях синтагматики слов с корнем -вон'- в произведениях А. П. Чехова и И. А. Бунина.

Слова с корнем -вон'- для описания были выбраны нами не случайно. Как известно, лексема *вонь*, понимаемая на данном этапе как «отвратительный запах, зловоние» [9, с. 89], ранее не несла в себе отрицательной оценки запаха. Так, В. И. Даль, толкуя данное слово как «отвратительный, противный запах» [7, с. 240], указывает, что в церковно-славянском языке оно означало «запах, ухание вообще, а более аромат, запах приятный». О том, что *вонь* когда-то означало просто запах свидетельствуют и данные этимологического словаря Фасмера [10, с. 349], и значение этого слова в родственных языках, и образования от него: *благовоние* и *зловоние*. В последних двух лексемах оценка запаха определена четко. Помимо того, что значение данной лексемы конкретизировалось со временем, некоторые нюансы в значении можно найти и в синхронном срезе. Для этого мы обращаемся к синтагматике слов с корнем -вон'-. В качестве материала мы выбрали сборник рассказов И. А. Бунина [4] и рассказы А. П. Чехова, собранные во втором томе ПСС этого автора [11]. И. А. Бунин и А. П. Чехов довольно часто прибегали в своих произведениях к использованию одоративных номинаций, что позволяет рассматривать данные лексемы как значимые для их творческой манеры художественные детали.

Так, методом сплошной выборки из указанных рассказов А. П. Чехова контекстов интересующего нас типа мы обнаружили 57 случаев употребления запаховых номинаций, из которых 9 – это слова с корнем -вон'-: *вонючий*, *благовонный*, *вонять*, *навонять*, *зловоние*, *вонь*. Рассмотрим данные примеры в контексте.

Начнем с имен существительных. Лексема *вонь* встретилась нам дважды: в рассказе «Надлежащие меры» и в рассказе «Устрицы». Пример 1:

«Санитары идут и, размахивая руками, толкуют о нечистоте, вонь, надлежащих мерах и прочих холерных материях» [11, с. 393].

Как видим, лексема *вонь* употребляется при перечне *холерных материй* и ставится в один ряд с *нечистотой*. Из этого можно заключить, что обозначает она явление, оцениваемое отрицательно. *Вонь* является следствием нечистоты, приводящей к холере, то есть *вонь* сопровождает холеру. Отсутствие вонь, в таком случае, приравнивается к здоровому состоянию населения.

Во втором случае *вонь* следует понимать как результат смешения запахов:

Наконец, странная болезнь вступает в свои права [речь идет о голоде. – Т. Р.]. *Шум экипажей начинает казаться мне громом, в уличной вонь различаю тысячу запахов, глаза мои в трактирных лампах и унылых фонарях видят осле-*

пительные молнии. Мои пять чувств напряжены и хватают через норму. Я начинаю видеть то, чего не видел ранее [11, с. 434].

Голод усиливает восприимчивость героя, в результате чего обоняние, как и прочие чувства, обостряется. Вонь воспринимается как сложный запах, неприятность которого, возможно, и вызвана смещением разнородных запахов.

Запахи, как известно, чаще всего определяются за счет их источника. Однако в первом примере автор использует отвлеченное понятие: вонь как неприятный запах вообще. Во втором же случае, скорее, можно говорить о номинации по месту распространения (*уличная вонь*), чем об источнике.

Существительное *зловоние*, как и прилагательное *благовонный*, встречаются, когда речь заходит о курении:

Земская больница. За отсутствием доктора, уехавшего жениться, больных принимает фельдшер Курятин, толстый человек лет сорока, в поношенной чечунчовой жакетке и в истрепанных триковых брюках. На лице выражение чувства долга и приятности. Между указательным и средним пальцами левой руки – сигара, распространяющая зловоние [11, с. 372].

Тот факт, что сигара распространяет зловоние, дополняет общий образ героя. Если взять во внимание, что одежда его истрепана, следует предположить, что и сигара не высшего качества, а потому не дым выпускает, а зловоние. К тому же и место (больница) для курения не самое подходящее.

Во втором примере речь идет о курении благовоний:

– Я тебе уши оборву! – сказал воинский начальник денщику, вводя гостей в темную переднюю. – Тысячу раз говорил тебе, мерзавцу, чтобы, когда спишь в передней, **всегда курил благовонной бумажкой!** [11, с. 377].

Здесь, напротив, курение *благовонной бумажки* призвано изгнать запах, по видимому, зловонный, от денщика. Курить благовония – сочетание устойчивое. Применимо оно, в большей степени, когда речь идет о служении в церкви. Лада-ном черта изгоняют. У Чехова же происходит некоторое снижение образа, поскольку *благовонной бумажкой* изгоняется недобрый запах от денщика, человека, к слову, стоящего ниже на социальной лестнице, чем говорящий.

Четко просматривается связь между социальным статусом и наличием неприятного запаха в рассказе «Братец». Суть рассказа в том, что обедневшая дворянка собралась замуж за богатого мужика, которого брат девушки, недовольный происходящим, характеризует следующим образом:

*Ты благородная, личная дворянка, с образованием, а ведь он квасник, мужик, хам! Хам! Пойми ты это, неразумная! **Вонючим квасом** да тухлыми селедками торгуешь! Жулик ведь!* [11, с. 72].

Вонючий квас (особенно в одном ряду с тухлыми селедками), вероятнее всего, некачественный. А торговать некачественным товаром нечестно. По мнению героя, человек из низшего сословия, да и жулик к тому же, не имеет права жениться на дворянке. Да и чай, который жених передает девушке в подарок «<...> *воняет чем-то...*» [11, с.73]. Вонять – для чая состояние вряд ли нормальное. Хороший чай, обычно, характеризуют как душистый или ароматный (ср. у И. А. Бунина: *На столе кипел самовар, и Тихон Ильич, высокий, седой, строгий, заваривал, стоя у стола, душистый чай* [4, с. 156]), да и квас вонять не должен, как, впрочем, и всякий свежий продукт.

В переносном значении прилагательное *вонючий* использовано в следующем примере:

*В хороших городах, в Саратове, например, в клубах всегда ужин получить можно, а у нас, в нашем **вонючем Червянке**, кроме водки да чая с мухами, ни бельмеса не получишь* [11, с. 377].

Вонючим назван не продукт и не предмет. Отрицательная оценка запаха переносится на целый город, который, очевидно, как и продукты из предыдущего примера, не слишком хорош.

Что касается глаголов, то помимо упомянутого выше, мы обнаружили глагол **вонять** в безличной форме – **воняет**:

Над его кроватью висела клетка с птицей. Та и другая принадлежали хозяину. Птица какая-то странная, с длинным носом, тощая, ему неизвестная. Крылья у нее подрезаны, на голове повывраны перья. Кормят ее какой-то кислятиной, от которой воняет на всю комнату [11, с. 95].

И финитный глагол – **навонял** – в прошедшем времени:

*Гости сняли калоши и вошли в темный зал. Хозяин чиркнул спичкой, **навонял серой** и осветил стены, украшенные премиями «Нивы», видами Венеции и портретами писателя Лажечникова и какого-то генерала с очень удивленными глазами* [11, с. 378].

В первом примере запах от корма птицы (*кислятины*) настолько интенсивен, что наполняет всю комнату. Чрезмерный запах, каким бы он ни был, неприятен. В данном случае, характеристика запаха задана в существительном, являющимся источником вони – *кислятина*. Использование лексем, описывающих вкусовые качества, достаточно часто применяется при характеристике запаха, что и не удивительно, поскольку и обоняние, и вкус являются органами хеморецепции. Само определение источника запаха опять-таки указывает на низкое качество продукта.

Что касается последнего примера – глагола *навонял*, то следует отметить, что он встречается в том же рассказе, что и сочетание *курил благовонной бумажкой*. При зажжении спички раздается неприятный запах серы, в результате чего в комнате становится светло. Запах серы, как известно, ассоциируется с адом (довольно интересно этот мотив интерпретирован в сказке В. М. Дорошевича «Отчего дьявол пахнет серой»^{*}). А появление света, напротив, – с Богом. Возникает некое нарушение обычного положения вещей. Так что непонятно, для чего денщику курить благовонные бумажки: чтобы изгнать собственный запах или запах серы, исходящий от хозяйской спички. Специфичность синтагматики слов с корнем *-вон'* приводит к выводу о том, что автор употребляет запаховые детали умышленно, добиваясь определенного художественного эффекта. То, что одоративные номинации могут выходить за рамки простого обозначения запаха реалий, свидетельствует о достаточно широких границах данного концепта.

Таким образом, в произведениях А. П. Чехова неприятные запахи, описанные с помощью лексем с корнем *-вон'*, обозначают некачественность, низкий сорт – как в прямом смысле: по отношению к продуктам питания (*вонючий квас, чай*), табачным изделиям (*сигара, распространяющая зловоние*) и корму для птиц (*кислятина, от которой воняет*), так и в переносном: к местности (*уличная вонь, вонючий Червянск*), а также самим людям (необходимость денщика изгонять свой запах курением *благовонной бумажки*, низкий социальный статус того, кому принадлежат продукты с неприятным запахом). Одним словом, вонь появляется там, где ситуация является не такой, как ей надлежит быть. Все, что у Чехова обладает неприятным запахом, в нормальном состоянии не воняет.

Перейдем к словам с корнем *-вон'* в произведениях И. А. Бунина. Их в сборнике рассказов и повестей мы обнаружили 18, что гораздо больше, нежели у Чехова. Это такие лексемы: *вонь, зловоние, вонючий, вонять, воняющий*.

^{*} Из цикла «Сказки и легенды». Опубл.: «Русское слово», 1905, № 79, 23 марта. Можно найти в сборнике Дорошевич В. М. Сказки и легенды. – Мн. : Наука и техника. – 1983.

Чаще всего И. А. Бунин употребляет прилагательное с корнем -вон'- *вонючий* (8 раз). Как и в произведениях А. П. Чехова, используется данное слово при характеристике некачественного товара: *Вносит селетки, – утром девчонка приходила, купила, на его, понятно, деньги, четыре штуки, – и как шваркнет их на прилавок.*

– *Можете вы, – кричит, – присылать такую скверность покупателям? Они вонючие, их собакам только есть* [4, с. 243]; воды: *Вокруг прорубей, из которых пила вся Дурновка, над вонючей темнотылочной водой по целым дням стояли, согнувшись и подоткнув юбки выше сизых голых колен, в мокрых лаптях, с большими, закутанными головами, бабы* [4, с. 147]; еды: *Говорливая толпа мужиков и баб валом валила с утра до вечера по пыльным, унавоженным переулкам между телегами и палатками, лошадами и коровами, балаганными и съестными, откуда несло вонючим чадом соевых жаровен* [4, с. 61]; а также помещений: *Он шатался, поднимаясь по лестнице «Версаля», однако без ошибки пошел к своему номеру по длинному вонючему туннелю коридора, где только в самом начале сонно коптила лампочка* [4, с. 402]; и города: *А телега гремела. Город был жаркий и вонючий, тот самый, что представлялся прежде чем-то волшебным* [4, с. 194]. В последнем случае, однако, речь действительно идет о запахах, распространяемых на территориях города (за счет жары, возможно, сильнее, чем обычно), а не о, так сказать, статусе города (у А. П. Чехова *вонючий Червянск*, то есть захолустный). У И. А. Бунина акцент сделан на восприятии города рассказчиком. Из контекста понятно, что в другом возрасте (или настроении) герой представлял город чем-то волшебным, не замечая реального положения дел, открывшегося теперь. Вообще, в творческой манере И. А. Бунина семантическое поле времени часто пересекается с полем запаха [1]. Иначе говоря, герои очень часто в своих воспоминаниях восстанавливают не только события, но и ощущения, которые тогда испытывали.

Особый интерес с точки зрения синтагматики мотивационного признака концепта вызывает следующий пример:

Девки, поправляя вал, работали опять возле ельника, заделывали в валу проделанные скотиной лазы, заваливали их землей и парным, приятно-вонючим навозом, который работники от времени до времени подвозили со скотного двора через аллею, – аллея вся была полна влажными и блестящими шматами [4, с. 464].

Приятно-вонючий – совмещение двух абсолютно противоположных характеристик (приятный/отвратительный). Получается, что запах, который по сути неприятный, для рассказчика приятен. Налицо проявление авторской индивидуальности и специфики проявлений знаний о мире.

Интересно, что в другом случае запах, исходящий от навозного двора, явно неприятен герою, выступает раздражителем, мешающим уснуть:

По ночам от духоты кровь стучала в голову и будил каждый звук за открытыми окнами. А на сеновале нельзя было спать от блох, крика петухов и вони навозного двора [4, с. 132].

Вообще, нельзя однозначно утверждать, что за лексемой *вонь* в произведениях И. А. Бунина непременно скрывается неприятный запах, поскольку эмоциональная оценка впечатления героя может меняться вследствие привычки или зависеть от психологического состояния персонажа. Рассмотрим первый вариант:

В просторной и низкой конторе, когда-то беленной мелом, было очень тепло и сыро, густо воняло махоркой, жестяной лампочкой, горевшей на верстаке, сапожным варом, политурой и мятной кислотой кожи, куски и обрезки которой, вместе с инструментами, новой и старой сбруей, хомутиной, потниками, дратвой и медным набором навалены были и на верстаке, и на за-

топанном, сорном полу. Воняло и птицей из темной пристройки, но Сверчок и Василий, почевавшие в этой вони и каждый день часов по десяти сидевшие в ней с согнутыми спинами, были, как всегда очень довольны своим помещением, особенно тем, что Ремер не жалеет точки [4, с. 246].

То, что герои проводят в помещении с неприятным запахом по несколько часов кряду, притупляет их обоняние. Они не воспринимают *вонь* как нечто неприятное. Вероятнее всего, они ее вообще не замечают. Возможно, данный пример – ключ к пониманию предыдущего: неприятный запах, к которому ты привыкаешь, не вызывает отрицательных эмоций и может даже быть приятным, как нечто знакомое, свое.

Чужое, напротив, кажется хуже, чем есть. Особенно, когда человек тоскует по родному краю. Так, в рассказе «Господин из Сан-Франциско» по наличию определенного запаха характеризуется целая нация, которой герой, очевидно, себя противопоставляет:

И господин из Сан-Франциско, чувствуя себя так, как и подобало ему, – совсем стариком, – уже с тоской и злобой думал обо всех этих жадных, воняющих чесноком людюшках, называемых итальянцами <...> [4, с. 381].

Герой, находящийся в неважном настроении, злится на все, что его окружает. Чеснок, часто используемый в итальянской кухне и оставляющий после себя не очень приятный запах, ложится в основу признака, по которому охарактеризована нация. Причастие *воняющих* усиливает негативную оценку и без того стилистически окрашенного слова *людюшки*. Таким образом автор достигает максимальной степени передачи эмоции пренебрежения.

Итак, в большинстве случаев запахи у И. А. Бунина – это часть быта, а одоративные номинации, в связи с этим, возможно, не в такой степени выверены и осмыслены, как у А. П. Чехова. Лексемы с корнем *-вон'-* у И. А. Бунина, скорее, отражают авторское восприятие реальности, чем свидетельствуют о нарушении нормы. Автор «Антоновских яблок» воспринимает мир таким, как он есть, всеми органами чувств, о чем сам неоднократно пишет как в художественных произведениях [2], так и в Дневниках [3].

Нельзя также сказать, что неприятные запахи у И. А. Бунина четко связываются с социальным статусом персонажей. Они могут присутствовать как в деревенском, так и в городском быту. При этом следует отметить большое разнообразие источников запаха в приведенных нами примерах. Это всевозможные предметы быта (*инструменты, сброя, хомутина*), табачные изделия (*махорка, окурки*), помещения и территории (*коридор, навозный двор*), люди (*людюшки*) и т. д.

Таким образом, широкие границы сочетаемости слов с корнем *-вон'-* в произведениях И. А. Бунина свидетельствует о том, что автор придает большое значение сенсорным деталям в отображении действительности. Его герои чувствуют запахи, помнят их, довольны или недовольны ими.

Сопоставление особенностей синтагматики слов с корнем *-вон'-* в произведениях интересующих нас авторов несомненно пересекается с особенностями их творческой манеры. Так, известное чеховское стремление к лаконизму рассказов приводит к четкому подбору деталей, а значит, ограничивает, в какой-то степени круг сочетаемости одоративных номинаций. Стремление И. А. Бунина охватить мир во всех его красках, напротив, этот круг расширяет.

Библиографические ссылки

1. **Абрамов В. П.** Семантические поля художественного текста в идиостиле И. А. Бунина / В. П. Абрамов, С. В. Бревнова // Филология как средоточие знаний о мире : Юбилейный сб. – М.; Краснодар: АПСН; КубГУ, 2008. – С. 432–436.

2. **Бунин И. А.** Жизнь Арсеньева : роман. / И. А. Бунин – СПб. : Изд. группа «Азбука-классика», 2010. – 448 с.
3. **Бунин И. А.** Окаянные дни / И. А. Бунин – СПб. : Изд. группа «Азбука-классика», 2009. – 320 с.
4. **Бунин И. А.** Повести и рассказы / И. А. Бунин [сост. А. А. Девель]. – Л. : Лениздат, 1985. – 639 с.
5. **Варданян Л. В.** Этнолингвокультурный концепт «душа» в английской, русской и эрзянской языковой картинах мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Л. В. Варданян / Моск. гос. ун. им. М. В. Ломоносова. – М., 2007. – 18 с.
6. **Воркачев С. Г.** Концепт *счастье* в русском языковом сознании : опыт лингвокультурологического анализа / С. Г. Воркачев. – Краснодар, 2012. – 142 с.
7. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1. А–З. / В. И. Даль – М. : Рус. яз., 1978. – 699 с.
8. **Карасик В. И.** Языковой круг : личность, концепт, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
9. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М., 1975. – 847 с.
10. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер, перевод с нем. и доп. О. Н. Трубачева / под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. – Т. 1 (А–Д). – М. : Прогресс, 1964. – 564 с.
11. **Чехов А. П.** Собрание сочинений : Т. 2-й / А. П. Чехов. – М. : Гос. изд-во худ. лит., 1954. – 504 с.

Надійшла до редколегії 11.01.13